

10. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность.* – М., 2000. – С.10.
11. Рейнбах Г. *Направление времени.* – М., 1962. – С.524.
12. Шаклеин В.М. *Лингвокультурная ситуация и исследование текста.* – М., 1997.
13. Brown G., Yule G. *Discourse analysis.* – Cambridge, 1983.
14. Gödel K. *Über formal unentscheidbare Satze der Principia Mathematick und verwandter Systeme I* // *Monatschrift für Mathematik und Physik.* – 1931. – S. – 38.
15. Schiffrin D. *Approaches to discourse.* – Oxford, 1994. – XI.

Поступило в редакцию 5.03.2002 г.

Шаклеин В.М.

(Россия, Москва)

РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Характерной особенностью современного открытого и динамично развивающегося общества является постепенный переход от состояния преимущественной моноэтничности к полиэтничности. Крупные мегаполисы и даже регионы с относительно высоким уровнем жизни и низкой безработицей служат привлекательным местом для людей, в силу исторических обстоятельств оказавшихся в трудных экономических условиях, а порой – в зонах военных действий или повышенной опасности. Вследствие миграционных волн конца XX-начала XXI века, регионы с традиционно русским населением постепенно превращаются в регионы полиэтничные. Особенно явно данный процесс проявляется в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае, в Крыму, где к сегодняшнему дню успели сложиться многочисленные и устойчивые диаспоры неславянских народов: чеченцев, армян, дагестанцев, крымских татар, турок-месхетинцев, азербайджанцев, грузин. Кроме того, в Москве уже сейчас намечилось сложение новых диаспор: китайской, вьетнамской, афганской, курдской, таджикской. При этом их представители, занимаясь особо доходными видами экономической деятельности, становятся собственниками торговых павильонов, рынков, жилого фонда, крупных земельных участков. Русские, традиционно занимая иные экономические ниши, в основной своей массе отличаются более низкими, по сравнению с мигрантами, доходами, что является главным основанием для восприятия последних (мигрантов) как потенциальной угрозы для всего русского общества. Особым видом раздражителя в этом случае выступает инокультурность мигрантов, плохое владение русским языком, тяга к использованию в общении родного языка, стремление придать родному языку какой-либо узаконенный статус.

Ныне можно констатировать, что в результате миграционного притока этносов с восточной культурной составляющей некоторые российские регионы с преимущественно русским населением введены в состояние культурного шока, испытывают острейший кризис межкультурной коммуникации. Вместе с тем в отечественной научной литературе последних лет данное состояние оценивается как

закономерное и даже как показатель вхождения России в общемировой процесс глобализации экономики [4].

В определенной мере данный взгляд не лишен смысла по двум причинам. Во-первых, развитость современных информационных и транспортных сетей при прозрачности российских границ не оставляет России шансов остановить процесс притока мигрантов. Во-вторых, Россия в данном случае не является уникальной страной. Практически ни одно государство Запада не избежало эволюционирования в сторону полиэтничности. Наличие многочисленных диаспор, в том числе и богатых, стало отличительной чертой США, Канады, Великобритании, Германии, Франции. Те же процессы намечаются в Польше, Венгрии, Чехии, Финляндии.

В зависимости от развитости принимающего мигрантов общества проблема возрастания иноэтничного элемента расценивается, с одной стороны, как проблема межэтнической коммуникации, а с другой – как проблема социальная, по большому счету не имеющая отношения к взаимодействию этносов [7]. Чем более развито и богато общество, тем менее свойственны ему межэтнические конфликты. Культурный шок в современной России многократно усилен сравнительно тяжелым экономическим положением русского населения, для которого материально обеспеченные мигранты – конкуренты на рынке рабочей силы, а также дополнительный раздражающий фактор культурного и антропологического порядка. Именно поэтому в отечественной науке этнологический компонент межкультурной коммуникации выражен в значительно большей степени, чем компонент социальный.

В целом проблемами межэтнической, межкультурной коммуникации в замкнутом пространстве города или региона занимаются многие науки (или даже ответвления от наук): теория коммуникации, психо- и этнолингвистика, этногерменевтика, этнография речи. В результате сложились два основных подхода к определению круга ее проблем. Первый подход центральным звеном проблематики очерчивает зону диалога и конфликта национальных (этнических) доктрин. В этом случае вне поля исследований остается конкретная человеческая личность, рассматриваемая как личность этническая, языковая. Социальный компонент, т.е. принадлежность человека к определенной профессиональной, имущественной среде, его политические, экономические взгляды, здесь как бы в расчет не берутся [1]. Представители второго подхода, характерного прежде всего для зарубежных исследований, как правило, не выводят изучение межкультурной коммуникации за рамки межличностного общения, имея в виду, однако, не столько общение конкретных людей, сколько диалог, направленный на выполнение личностных установок коммуникантов. Соответственно, происходит анализ социальных личностных концептов, уделяется внимание процессу формирования личности, выявлению причин этнической нетерпимости. Иными словами, анализу подвергаются основы общения людей в социуме, но никак не представителей этнических типов. Любые формы агрессии, расовой и этнической дискриминации осуждаются, отвергаются здесь изначально; этническая нетерпимость представляется как социальный порок [6].

Несмотря на различие указанных подходов, представители обоих из них часто пользуются одной терминологией, определяя исходные понятия примерно одинаково. Важным в этом смысле является понятие культурного концепта [5] (в западном варианте

– культурного стандарта [8, с.45-50]), нормирующего этнически обусловленный стереотип поведения человека. По мнению Л.Г. Лузгиной, культурные концепты определяют речевое поведение языковой личности как представителя конкретного этноса [3]. В концепции западной науки культурный стандарт представляет собой ментальную систему, основанную на традиционных для определенной социальной страты культурных нормах – ментальных, поведенческих, языковых [8, с.46].

Представители как российской, так и западной науки культурный концепт (стандарт) более подробно рассматривают через ситуацию коммуникации, называя ее межкультурной коммуникацией. Последняя, в свою очередь, зиждется на определенных закономерностях общения представителей разных этносов или социальных страт.

Здесь стоит отметить, что различие во взглядах российских и западных исследователей на сущность межкультурной коммуникации заключается в неоднозначной оценке значимости одинаковых реалий. Так, для европейца, живущего в полиэтнической среде Европы, контакт с типичным представителем любого европейского этноса не может закончиться непониманием ни языка, ни культуры коммуниканта (практически любой среднестатистический житель Европы в той или иной степени знаком с итальянским, французским или английским языком, имеет неплохое представление о народных обычаях и кухне этих народов). Отсутствие культурного конфликта объясняется здесь общими взглядами на жизнь, политику, экономику. Конфликт может происходить лишь из-за различий в социальном положении коммуникантов, имеющем в западном обществе первостепенное значение.

В условиях России, постоянно расширявшей свое пространство за счет близлежащих территорий, населенных разнокультурными и разноязыкими народами, особую значимость приобретал диалог с иными цивилизационными образованиями. Иными словами, культурное взаимодействие в своем основании имело здесь этнический характер.

Конечно, колониальное развитие большинства европейских государств также предполагало налаживание межэтнического диалога, однако уже в первой половине XX века ему был положен конец. Последствия существования европейских государств как метрополий в лице нетитульного (индийского, арабского, африканского и др.) населения преодолевалось путем примата демократических ценностей.

Говорить о том, что Россия в XX веке развивалась как классическая метрополия, нельзя, как нельзя говорить и о том, что последствия развития её как империи не преодолены до сих пор. Так, например, и сегодня многочисленные национальные образования лишь отчасти существуют в виде административных единиц. Так или иначе их эволюция связана с возрождением этнического самосознания, национальных культур и языков. В данных условиях привитие и признание примата демократических ценностей над этническими составляет огромную проблему, что в целом и выразилось в особенностях взглядов российских исследователей на основы межкультурной коммуникации.

Необходимо сказать, что исследование культурных стандартов как в России, так и на Западе идет по пути классической герменевтики – науки о понимании текста. Это следует из самой ситуации межкультурной коммуникации, когда человек сталкивается с чуждым для себя пластом культуры. Главной в этом случае становится проблема понимания иного культурного стандарта. Понимание здесь, разумеется, не означает

его приятия.

Немецкий исследователь межкультурной коммуникации Г. Малецке утверждает, что подавляющее большинство людей воспринимает свойственный им культурный стандарт как наиболее приемлемый. Подобную позицию обычно называют социоцентризмом или этноцентризмом [9]. Понимая собственную культуру как наилучшую, представители западного общества все же имеют некие социальные ориентиры, что выразилось, например, в емком культурном концепте «американская мечта». Стремление к уровневому росту в социальной, имущественной стратификации является своего рода скрепляющей западный мир основой.

Типичный процесс наблюдался и в бывшем СССР. Для большинства представителей нерусских этносов было естественным отдавать своих детей в русские школы, общаться, даже в быту, на русском языке, т.е. унифицироваться в рамках русского лингвокультурного стандарта, который, в свою очередь, предполагал своеобразный социальный рост: получение высшего образования на русском языке, получение должности (следовательно, и социальных благ) в официальном государственном учреждении. Существовало даже понимание того, что нахождение в рамках национальной лингвокультуры в большинстве случаев препятствовало социальному росту. С другой стороны, уже во 2-й половине 80-х годов такое положение трактовалось как угнетение национальных культур. Можно утверждать, говоря языком современного обществоведения, происходил процесс языковой и культурной глобализации в границах одного государства.

Учитывая тот факт, что любая культурная и языковая глобализация происходит на фоне приятия и сопротивления со стороны носителей национальных языков и культур, возможно провести некоторые параллели между процессами, которые происходят в современном мире, например, всеобщее увлечение английским языком как языком международного общения, с одной стороны, обусловлено необходимостью добровольной языковой и культурной унификации, что в определенной мере способствует медленному умиранию национальной культуры (изучение английского языка, как правило, сопровождается приятием американского культурного стандарта). С другой стороны, в мире наблюдается глобальное сопротивление всеобщей американизации. К чему приведет это противостояние? На этот вопрос вряд ли кто сегодня даст однозначный ответ. Во всяком случае, идея сохранения «национального лица» в условиях глобализации, которая культивировалась в Японии, Южной Корее и ряде других стран, на сегодняшний день вряд ли жизнеспособна. Для современной японской и корейской молодежи национальные традиции уже не имеют такого сакрального значения, как для их родителей. Нахождение золотой середины между глобальной и национальной культурами, по всей видимости, также является иллюзией.

Однако это всего лишь взгляд изнутри развитых стран. Совсем иные процессы происходят в современной России. Распад СССР во многом отразился негативно на позициях русской культуры и русского языка. Потеряв свою глобализаторскую функцию, русская лингвокультура неожиданно для всех стала приобретать черты лингвокультуры отторгаемой, хотя русский язык по объективным причинам еще сохраняет за собой реальный статус языка межнационального общения.

Здесь возникает важный теоретический вопрос: каковы условия существования

языка как языка межнационального общения? Не цикличен ли процесс развития цивилизационно значимого языка? Каковы перспективы русского языка как языка межнационального общения, по крайней мере, в границах СНГ?

Учитывая объективные реалии современной лингвокультурной ситуации, для ответа на эти вопросы можно наметить два исходных положения:

язык и культура есть явления надстроечного характера; они являются отражением определенной стадии развития того или иного общества;

взаимоотношения между народами, государствами и культурами не равны взаимоотношениям между людьми; привычные для обычного человека понятия долга, благодарности, преданности, любви легко заменяются здесь понятиями текущего интереса.

Если в границах бывшего Советского Союза по преимуществу объединялись народы, находившиеся, по сравнению с Россией, на разных уровнях экономического и общественного развития, причем этносом-объединителем выступал русский народ, то вполне естественно, что большинство других народов добровольно принимало унифицирующую функцию русского языка и русской культуры. Тем не менее, уже и в то время наблюдался процесс этнокультурного сопротивления, который, однако, не доминировал над тенденцией к глобализации в рамках СССР. Ослабление экономических, политических, идеологических позиций русского центра – Москвы – естественным образом привело к увеличению масштабов фактора этнокультурного сопротивления глобализации. Приписываемый ранее русской лингвокультуре вектор развития поменялся на вектор угнетения, тормоза. Немалую роль здесь сыграло и общее отставание евразийской цивилизации от западной. В этих условиях русская лингвокультура утратила ореол предпочтительности, перестала быть ориентиром для многих народов.

Но, как говорят, свято место пусто не бывает. На смену русскому ориентиру пришел ориентир западный, американский.

Пришел, разумеется, в декларативном плане. Так, русская лингвокультура утверждалась на пространствах Российской империи / СССР веками в условиях непосредственного присутствия русских, в условиях создания соответствующей инфраструктуры: института русского языка, включавшего в себя десятки тысяч школ, вузов, периодические издания, радио, телевидение, русскоязычные структуры государственной службы и т.п. Так или иначе, каждый социализированный человек в Советском Союзе владел русским языком.

Декларативная переориентация бывших республик СССР с русского на английский как язык межнационального общения, тем не менее, в настоящее время и в ближайшем будущем не может нанести позициям русского языка непоправимого урона. Изучение иностранного языка (в частности, английского) народом в целом – казахами, туркменами, украинцами (впрочем, также и русскими) – проблема, едва ли решаемая в ближайшие десятилетия, поскольку требуется не только дорогостоящая перестройка всей языковой инфраструктуры, но и массовое, долгосрочное присутствие англоязычного этнического элемента в принимающем новую культурную парадигму народе.

Восприятие русского языка как раздражающего фактора, разумеется, не может

укрепить его позиции, но, тем не менее, и не является существенной причиной его ухода из лингвокультуры народов стран СНГ. Это определяется прежде всего природой русского языка как языка межнационального общения. По всей видимости, даже при реализации самых пессимистических прогнозов, русский язык на пространствах бывшего СССР еще долго останется фактором личностного успеха, а потому не выйдет из быта народов. Ориентация лишь на национальный и английский языки в школах стран СНГ и частично государствах Балтии – скорее всего путь тупиковый, ведущий сегодня и к потенциальной изоляции целых народов.

Тем не менее, надежда только на ресурс русского языка в странах СНГ без политики, направленной на его защиту, – путь не менее тупиковый. Здесь необходимо осознавать, что язык межнационального общения может сохранять свой ресурс только тогда, когда он подкрепляется действительной мировой значимостью этноса – носителя. В случае, когда Россия станет укреплять свои экономические позиции, когда она вновь превзойдет по уровню своего экономического, политического, культурного развития другие страны СНГ в несколько крат, русский язык сразу начнет возвращаться в школы упомянутых стран как атрибут образования и личного успеха. Но это вопрос будущего.

На сегодняшний же день мы вынуждены констатировать: русский язык, хотя и очень медленно, но все же уходит из культуры стран СНГ и государств Балтии!

Ситуация усугубляется тем, что ресурсное поле русского языка постепенно сужается и в самой России. Российские национальные образования в этом случае не служат фактором, укрепляющим его позиции, поскольку отчасти приняли логику культурного развития стран СНГ. Это выражается даже не столько в частичном закрытии русских школ, увеличении доли школ национальных, провозглашении национальных языков государственными, сколько в активном отказе от пути культурной унификации. Разумеется, сам по себе ход развития национальных республик в сторону возрождения национальных языков и культур не может быть подвергнут осуждению, однако, нанося ущерб престижу русской лингвокультуры, эти республики могут скатиться в пропасть деструкции вместе со всей страной. Хотя и не исключено, что непонимание данного обстоятельства в своих истоках имеет болезнь роста. Например, бывшие английские колонии, некогда боровшиеся с Британской империей за независимость, в конечном итоге вынуждены были принять английский в качестве государственного языка.

Нельзя не упомянуть о факторе внутренних угроз русскому языку, которые, возможно, также являются одной из главных причин ослабления его позиций. Так, например, отказавшись от чтения русской классики, заменив его просмотром низкопробных сериалов и переводных боевиков с низким качеством языка, сменив приоритеты социального развития, русское общество само (по крайней мере, в последние десять лет) привело русский язык и русскую культуру к деградации. Достаточно упомянуть тот факт, что владение хорошим русским языком уже не является непременным атрибутом личностного успеха молодого поколения. В моде язык, обедненный митьковским сленгом и жаргоном «новых русских». Идет активный процесс не всегда оправданных внешних заимствований. Заимствования внутри языка (например, переход сниженной лексики в сферу общеупотребительной) также не повышает его статус. На

этом фоне престижным становится владение хорошим английским языком.

Не может не тревожить и демографический фактор – высокая смертность и низкая рождаемость русского населения.

Нельзя не видеть и «кризиса идентичности», «неблагополучного самочувствия русских» [2].

Поэтому, наряду с внешними угрозами, русскому языку и русской культуре следует видеть угрозы внутренние: падение престижа русского языка во внутренних регионах России, сдача Россией экономических позиций на внутреннем и внешнем рынках, отсутствие национальной идеологической доктрины развития.

Констатация обозначенных фактов мало бы что значила без определения хотя бы общих контуров выхода из сложившейся ситуации.

Как уже было отмечено, непременным условием для возвращения позиций русского языка и его дальнейшего развития как языка межнационального общения является стабильное экономическое развитие страны, превращение ее в привлекательную зону для предпринимателей стран СНГ и Запада.

Укреплению позиций русского языка, несомненно, способствует также претворение в жизнь Федеральной целевой программы «Русский язык».

Кроме того, Россия должна сделать все возможное, чтобы способствовать возвращению русских из стран Ближнего и Дальнего зарубежья на свою историческую родину.

Вместе с тем необходим пересмотр и национальной концепции межкультурного взаимодействия. Несмотря на отмечаемую многими учеными и политиками угрозу русскому языку со стороны проживающих в России других народов, русский язык не сможет существовать в поле прежней этнологической доктрины межкультурного взаимодействия. Изнутри самого общества проблемы межкультурной коммуникации необходимо постепенно переводить из сферы взаимоотношения этносов в сферу взаимоотношения социальных страт. На сегодняшний день это, наверное, единственно перспективный путь, находящийся в русле цивилизационного вектора, который избрала Россия, встав в ряд демократических стран. Узаконив русский язык как незыблемый государственный язык и подняв экономический уровень русских регионов России, русское общество вместе с другими народами страны непременно поставит свой национальный язык в ряд наиболее престижных языков мира

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е.В. Лексические значения слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: Культурные концепты.– Волгоград; Архангельск, 1996.– С.25-33.
2. Затулин К. Царство, разделившееся в себе // Мир русского слова.– 2001.– №4.– С. 67.
3. Лузгина Л.Г. Распределение информации в тексте. Когнитивный и прагматический аспекты.– М., 1996.– С. 31.
4. Митина О.В. Исследование межкультурного восприятия социальных стереотипов на примере отношения к феминизму // Тез. докл. XII Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации.– М., 1997.– С 105-106.
5. Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики.– М., 1998.– С. 66-85.
6. Casmir F.L. Interculturelle communication als prozess// Interculturelle Kommunikation .–